

АННИ ЭМИНЕСКУ

ОНИ ПРИШЛИ КАЗНИТЬ ЧУДОВИЩЕ.
ОНИ ОСТАЛИСЬ, ЧТОБЫ СПАСТИ ЕЁ.

СОСРЕДОТОЧЕНИЕ
ЗЛА

18+

ДАЖЕ ЧУДОВИЩЕ МОЖЕТ БЫТЬ СВЯТЫМ.

Анни Эминеску

Сосредоточие зла

<https://litres.ru/74079209>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они пришли казнить чудовище. Они остались, чтобы спасти её.

Герцогиня фон Рихард - самое ненавистное имя в Империи. Жестокая, высокомерная, бессердечная. Именно так описывают её столичные газеты. Именно поэтому Император отправляет на юг свою лучшую тройку: капитана гвардии, первосвященника и главу магов.

Но правда оказывается сложнее, чем они могли представить. За закрытыми дверями замка Астрид фон Рихард ведёт войну, о которой никто не знает. И медленно сгорает ради людей, которые презирают её.

Когда маски падают, а тайны раскрываются, четырём мужчинам предстоит сделать выбор: вернуться к старой жизни или остаться рядом с женщиной, которая научила их, что даже чудовище может быть святым.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Анни Эминеску

Сосредоточие зла

Глава 1

Говорят, у дьявола прекрасное лицо, холодное сердце и имя, которое благородные господа Империи шепчут со смесью ужаса и отвращения. Герцогиня фон Рихард.

В глазах столицы она была чудовищем. Женщиной, которая сослала собственного брата в безжизненные северные шахты, обложила южные провинции неподъёмным налогом и как поговаривали в кулуарах дворца, лично оборвала жизнь своего отца, великого герцога, подсыпав яд в его вечерний кубок. О её жестокости слагали легенды, её высокомерием пугали непослушных детей, а её редкие появления в свете сопровождались гробовой тишиной.

Столица праздновала День Очищения. Небо над императорским дворцом взрывалось яркими магическими огнями, разноцветные искры отражались в тысячах окон, за которыми гости в дорогих нарядах пили вино и танцевали до упаду. В воздухе пахло жареным мясом, сладкими духами и праздничной ложью. Но в самом сердце дворца, за закрытыми дверями королевского совета, царил полумрак, пахнувший воском и назревающей войной.

Четыре самые влиятельные фигуры Империи склонились над картой северных земель.

— Её амбиции перешли все границы, — глухо произнёс император Селестиан. Фиолетовый свет магических ламп подчёркивал острые, безупречные черты его лица. Он крутил на пальце перстень с печатью — нервная привычка, которую он позволял себе только в присутствии самых доверенных людей. — Север истощён. Мои шпионы докладывают что она строит там что-то, напоминающее военные укрепления. Если герцогиня поднимет бунт, Империя расколется надвое. Она должна быть казнена.

— Церковь поддержит корону, Ваше Величество, — раздался тихий, почти гипнотический голос Илая. Первосвященник сидел чуть поодаль, его длинные пепельно-серебристые волосы отливали в полумраке, а тонкие пальцы в серых перчатках были молитвенно сложены у лица. Его голубые глаза, всегда казавшиеся кроткими, сегодня были острыми как лезвия. — От неё веет грехом и Тьмой. Я чувствую, как увядает святая земля под её ногами. Её душа черна и костёр станет для неё милосердием.

— Костёр? Как непрактично, — усмехнулся Рэйвен, лениво покачивая в руке бокал с вином. В его тёмных, длинных волосах играли отсветы пламени, а кроваво-красные глаза с вертикальными зрачками опасно сузились. Глава Магической Башни не верил в богов но верил в силу. Он был красив той опасной, броской красотой, которая заставляла лю-

дей нервно отводить взгляд. — Однако я согласен с одним: её магия странная. Она блокирует мои поисковые заклинания на границах своих земель. Мне чертовски интересно узнать, что эта женщина прячет под своими юбками. Я лично займусь её допросом.

— Допроса не потребуется, если она окажет сопротивление, — отчеканил Кардин. Капитан императорской гвардии стоял у окна, скрестив руки на груди. Тяжёлая броня тихо звякнула, когда он повернул голову. Светлые волосы были небрежно растрёпаны, а серые глаза смотрели жёстко и прямолинейно — взгляд человека, который привык видеть мир в чёрно-белых тонах. — Мой отряд готов выступить на рассвете. Я привезу её голову если она откажется сдаться. Для предателей закона у меня нет жалости.

Император медленно обвёл взглядом троих мужчин. Каждый из них был оружием — отточенным, смертоносным, преданным. И все трое были направлены против одной женщины.

— Я даю вам троим три дня, — сказал Селестиан и в его голосе зазвучала сталь, которую он редко позволял слышать подданным. — Найдите доказательства. Если найдёте — казните на месте. Если нет... — он замолчал сжав перстень так, что побелели костяшки, — я прибуду лично. Я сам решу её судьбу.

Судьба герцогини фон Рихард была решена.

В тот же самый момент, за сотни миль от столицы, в тёмном кабинете старого замка фон Рихард, «чудовище» сидело за столом, заваленным чертежами и магическими формулами.

Свеча догорала, оплывший воск стекал по серебряному подсвечнику, бросая длинные тени на бледное, уставшее лицо герцогини. Её пальцы испачканные в чернилах и саже от защитных амулетов, дрожали от переутомления. Перед ней лежала раскрытая книга в ветхом кожаном переплёте — одна из тех, которые в столичной библиотеке числились как «утраченные» вот уже лет пятьдесят. Астрид воровала их, выкупала у чёрных торговцев, выпрашивала у умирающих магов — любым способом добывала знания, которые могли спасти её земли.

На коленях, под грудой бумаг лежал тайный отчёт, переданный ей верным человеком с юга. Скверна, идущая из-за горного хребта земель Рихард, должна была ударить по провинциям через полгода. Само зло затаилось в старых шахтах, где добывали руду ещё при прадеде. Там, в глубине, в темноте, где никогда не горел свет, древнее проклятие просыпалось, питаясь магией, страхом и смертью.

Налоги, которые она забирала у крестьян уже были переведены на закупку зерна в соседнем королевстве. «Военные укрепления» о которых доносили шпионы, на самом деле являлись магическими барьерами способными сдерживать заразу. А её «секретные исследования» — это поиск лекарства,

которое могло бы остановить Скверну до того, как она поглотит первые деревни.

Астрид знала, что её ненавидят. Знала, что Император готовит армию. Знала, что её собственное имя стало синонимом зла в устах тех, кого она пыталась спасти. Но у неё не было времени объясняться, оправдываться или плакать. На её плечах лежала жизнь миллионов людей, которые даже не догадывались что их «палач» — их единственный спаситель.

Она сделала глоток остывшего чая — горького, без сахара, который она не заметила бы, даже если бы он был при-торно-сладким. Перевернула страницу и тихо произнесла в пустоту комнаты:

— Пусть считают меня злодейкой. Главное — чтобы они выжили.

За окном выла февральская вьюга. Снег бился в стёкла, ветер завывал в каминных трубах и где-то внизу, в деревне, крестьяне забивали последний скот и молились древним богам, не ведая что их молитвы уже услышаны — просто они пришли в облике той, кого боялись больше самой Скверны.

Астрид отложила перо и потёрла переносицу двумя пальцами. Глаза саднило от напряжения — она не спала уже третьи сутки. В голове пульсировала тупая боль, а перед глазами иногда плыли тёмные пятна. Она знала, что это — последствия истощения. Знала, что если не остановится, то просто упадёт и возможно больше не встанет. Но остановиться было нельзя.

Раздался тихий стук в дверь — осторожный, почти робкий. В кабинет бесшумно скользнула Люция, немолодая женщина с проседью в рыжих волосах и добрыми глазами. В руках она держала поднос с дымящейся тарелкой.

— Миледи, — тихо сказала она, ставя поднос на свободный край стола, — вам нужно поесть. Или хотя бы выпить бульон. Вы третий день ничего не ели.

— Оставь, Люция, — не поднимая головы бросила Астрид, продолжая писать. — Я занята.

— Миледи, — повторила горничная, на этот раз в её голосе послышалась твёрдость, которую она редко позволяла себе проявлять. — Если вы упадёте, кто закончит расчёты? Кто сохранит барьеры?

Астрид на мгновение замерла, затем медленно подняла голову. Она посмотрела на Люцию — на эту женщину, которая служила дому фон Рихард двадцать лет, которая видела как юная герцогиня, едва похоронив отца приняла на себя бремя, сломавшее бы любого мужчину. Люция была одной из немногих, кто знал правду. И одной из немногих, кто не боялся говорить её в лицо.

— Ты права, — тихо сказала Астрид, отодвигая бумаги и беря ложку. — Прости. Я просто...

— Я знаю, миледи, — мягко перебила Люция. — Вы устали. Но усталость — не повод умирать с голоду.

Астрид сделала несколько глотков горячего бульона и тепло разлилось по телу, возвращая ей способность ясно мыс-

лить. Она закрыла глаза на мгновение, позволяя себе эту крошечную слабость.

— Сегодня из столицы пришло ещё одно письмо, — тихо сказала Люция. — Его Величество требует вашего личного присутствия на балу в честь Дня Очищения.

Астрид усмехнулась — горько, безрадостно.

— Чтобы вся знать могла поглазеть на чудовище и проверить, не выросли ли у меня рога? Нет, Люция. Я не поеду. Мне нужно закончить расчёты для второго барьерного кольца.

— Миледи, они могут решить, что вы готовите мятеж...

— Они и так в этом уверены, — отрезала Астрид. Она поднялась из-за стола, свет свечи выхватил из полумрака её фигуру. В простом тёмном платье, без единого украшения, с каштановыми волосами кое-как собранными в небрежный пучок, она мало походила на ту ледяную королеву, которую описывали в столичных сплетнях. — Какая разница, приеду я или нет? Их уже отправили на север. Моих палачей. Троих самых сильных мужчин Империи. Император решил, что я стала слишком опасна.

Люция вздрогнула, побелев как полотно.

— Но... откуда вы знаете, миледи?

— Потому что я — герцогиня фон Рихард, — Астрид повернулась к окну, в отражении стекла её серебристые глаза казались почти прозрачными, как лёд на замерзшем озере. — Я должна знать всё. Даже то, что меня убьёт.

Снаружи, на границе владений завывал ветер. Но там, за горами, было тихо. Подозрительно тихо. Астрид чувствовала Скверну каждой клеткой — она пульсировала в воздухе, в земле, в её собственной крови. Она невольно коснулась левого запястья — под рукавом скрывалась тонкая серебряная цепь, которая уже начинала чернеть. Скверна проникала быстрее, чем она рассчитывала.

— Люция, — голос Астрид вдруг стал тише, почти беззащитным, и в нём впервые за долгие годы послышалась та усталость, которую она никогда не показывала посторонним. — Если они придут раньше, чем я закончу третий барьер... ты знаешь, что делать.

Горничная опустила голову, скрывая слёзы.

— Да, миледи.

— Хорошо. Оставь меня.

Дверь закрылась и в кабинете снова наступила та особенная тишина, которая окружает людей, привыкших быть одинокими против всего мира. Астрид села обратно за стол и взяла амулет, над которым работала последние дни. Он был грубым, некрасивым — просто кусок горного хрусталя, оплетённый железной проволокой, на котором она выцарапала символы, украденные из древних книг. Она знала, что этот амулет, возможно, убьёт её — слишком много силы требовалось, чтобы напитать его собственной жизненной энергией. Но другого способа сдерживать Скверну не было.

Если я умру — хотя бы не зря.

Астрид сжала амулет в ладони, чувствуя, как он высасывает из неё тепло, как холодная пустота разливается по венам. Она закрыла глаза. Ресницы дрогнули. Она так устала. Так устала, что хотелось просто лечь и не вставать.

Но позволить себе отдых значило подписать смертный приговор миллионам.

Поэтому она снова открыла глаза, перевернула лист и принялась за расчёты.

На рассвете, когда солнце только-только позолотило шпили императорского дворца, трое всадников выехали из главных ворот.

Впереди — Кардин на вороном коне, с мечом у бедра и ледяной решимостью в серых глазах. Рядом с ним, чуть поодаль, ехал Илай, чьи пепельные волосы развевались на ветру, как знамя церкви. Замыкал отряд Рэйвен, которому путешествие в седле явно было в тягость. Он предпочитал магические порталы, но император настоял на том, чтобы они прибыли в герцогство незаметно, без лишней магии, которая могла бы всполошить «предательницу».

— Скажи, Кардин, — лениво протянул маг, когда они выехали за городские стены, — ты когда-нибудь видел её? Вживую?

— Нет, — коротко ответил капитан, не оборачиваясь.

— А я видел. — Рэйвен усмехнулся, обнажив острые клыки, и его вертикальные зрачки на мгновение расширились

от удовольствия. — На коронации, три года назад. Совсем юная, лет семнадцать. Она танцевала с каким-то маркизом. Улыбалась. А потом оказалось, что на следующее утро этот маркиз подписал контракт на поставку всего своего зерна в её провинции почти за бесценок. И никто не мог доказать, что она его принуждала. Хитрая девчушка.

— Дьявол, — поправил Илай холодно. Его голос звучал ровно, без эмоций, но в нём чувствовалась стальная уверенность человека, который привык отделять добро от зла. — Не девочка. Дьявол в женском обличье.

— Возможно, — пожал плечами Рэйвен. — А может и нет.

— Тебе стоит меньше интересоваться ею и больше — своей миссией, — отчеканил Кардин. — Мы едем казнить предательницу, когда её вина будет доказана. Не философствовать.

Рэйвен лишь хмыкнул и замолчал но в его рубиновых глазах зажглось любопытство — то самое, опасное, которое не раз уже приводило его к неожиданным открытиям.

К полудню следующего дня пейзаж изменился окончательно. Горы, возвышающиеся на севере, казались не просто скалами, а древними стражами, чьи вершины терялись в вечном тумане. Воздух стал настолько холодным, что каждое дыхание превращалось в пар, а ветер, казалось, пронизывал до костей.

Кардин придержал коня и указал вперёд:

— Впереди мост. После него — единственная дорога к замку фон Рихард.

Дорога здесь была странной. Она не походила на разбитые тракты южных провинций. Камень был уложен идеально, без единой трещины, а вдоль обочин тянулись невысокие ограды, покрытые мхом, который в этом холоде должен был давно погибнуть, но почему-то цвёл.

Рэйвен прищурился, вглядываясь в дорогу. Его глаза на мгновение сузились, зрачки вертикально вытянулись, впитывая информацию, невидимую для обычного человека. Он остановил коня и спрыгнул с седла с непринуждённой грацией, которая казалась совершенно неуместной в этом пронизывающем холоде.

— Слишком чисто, — задумчиво пробормотал он, проведя рукой в перчатке по краю каменной ограды. Пальцы скользнули по мху, затем коснулись самого камня. — Слово новое. Посмотрите на эту дорогу. Её не просто поддерживают в хорошем состоянии — за ней ухаживают с педантичной точностью. В герцогстве, которое якобы гниёт изнутри, таких дорог не бывает.

Он поднялся, отряхнул перчатки и повернулся к остальным. В его глазах горел холодный, аналитический интерес.

— Либо у этого «монстра» очень странный способ проявлять свою подлость, — продолжил он, — либо кто-то здесь проделал огромную работу. И вряд ли это сделали крестьяне

для собственного удовольствия.

Кардин оглянулся, нахмутив брови.

— Это просто хорошо построенная дорога, Рэйвен. Это ничего не значит.

— О, это значит всё, капитан, — ответил маг с острой, понимающей улыбкой. — Три года назад её залили манопроводящим раствором высшего качества. В самом бедном герцогстве Империи. В той самой «гниющей» провинции. Что-то здесь не так и это «что-то» — не мятеж.

Илай, который до этого ехал молча, наконец заговорил. Его голос был спокоен и легко разносился в ледяном воздухе:

— Камень благословен.

Рэйвен щёлкнул пальцами и его улыбка стала шире.

— Именно. Даже Первосвященник присоединился к моим наблюдениям.

Взгляд Кардина метался между ними, выражение лица становилось всё жёстче. Он крепче сжал поводья, чувствуя, как контроль над ситуацией ускользает из его рук.

— Благословенный камень ничего не доказывает. Преступник может быть благочестивым. Или использовать магию, чтобы замести следы.

— Или они могут использовать магию, чтобы защитить свой народ, — возразил Рэйвен и его тон сменился с игривого на резкий. Он перевёл взгляд на далёкий силуэт замка фон Рихард, приютившийся на скале словно спящий зверь.

— Манопроводящий раствор в северном герцогстве — не для украшения, капитан. Это для стабильности. Для защиты.

Кардин подтолкнул лошадь вперёд, плащ зашуршал на ветру, когда он поравнялся с магом.

— Защита от чего? Бандитов? Погоды?

— Ни то, ни другое, — сказал Рэйвен, не оглядываясь. Он поднял руку, указывая на горизонт, где серые облака, казалось, опускались ниже обычного, словно давили на землю своей тяжестью. — Посмотри на линии маны, Кардин. Они дергаются. В воздухе витает резонанс, который нельзя игнорировать, если действительно умеешь его чувствовать.

Кардин нахмурился, осматривая пейзаж. Он видел только острые скалы и ветреные равнины, покрытые снегом. Никакой магии. Никаких угроз.

— Я чувствую ветер. И холод. Вот и всё.

Илай медленно слез с лошади. Его длинные пепельные волосы подхватил порывистый ветер, когда он повернулся лицом к замку. Голубые глаза были непроницаемы, но в позе чувствовалась сосредоточенность человека, который привык слушать тишину.

— Что-то здесь не так, — тихо проговорил Илай. — Не могу уловить, что именно.

Рэйвен остановился, слегка повернув голову. Его рубиновые глаза сверкнули, изучая первосвященника. Вертикальные зрачки пульсировали — тонкая, произвольная реакция на изменение атмосферы.

— Наконец-то кто-то с ушами, — сказал Рэйвен и привычная резкость в его голосе сменилась чем-то более приземлённым. — Дело не только в мане. Воздух кажется... пустым. Словно что-то вырывает из него жизнь.

Кардин остановил лошадь рядом с ними, инстинктивно положив руку на рукоять меча. Его серые глаза сканировали горизонт в поисках врага, которого он не мог увидеть. Но который, по словам его спутников, был где-то рядом.

— Вы оба звучите так, будто описываете проклятие.

— Не проклятие, капитан, — сказал Рэйвен с лёгкой, тревожной улыбкой в уголках губ. — Истощение.

Илай закрыл глаза. Он не молился — пока. Вместо этого он позволил своим чувствам дрейфовать в поисках знакомого тепла божественного присутствия, которое обычно пульсировало над поверхностью мира, как дыхание самого Творца. Ничего не было. Точнее, там, где должна была быть жизнь, зияла пустота. Тишина была настолько глубокой, что казалась осязаемой, почти физической.

— Это не проклятие, — пробормотал Илай, его голос едва слышался сквозь ветер. — Проклятие оставляет след. Это... словно сам мир затаил дыхание.

Глаза Рэйвена метнулись к воротам замка. Впереди вырисовывались тёмные каменные стены, израненные непогодой и временем, похожие не на крепость, а на гробницу. Или на тюрьму, в которой заперто нечто, что не должно было выйти наружу.

— Или кто-то его высасывает, — добавил Рэйвен, на этот раз без сарказма. Он потянулся своими чувствами, подключаясь к местным потокам маны, пытаясь понять структуру этого странного истощения.

В тот момент, когда сознание Рэйвена коснулось поля, окружающего герцогство, он отпрянул. Это не был физический толчок но рот наполнился острым металлическим привкусом, а рубиновые глаза вспыхнули, горизонтальные зрачки вытянулись, реагируя на эмоциональный всплеск.

— Боги небесные, — выдохнул он, сжимая руки так сильно, что костяшки пальцев побелели. — Пространство здесь пожирают. Буквально пожирают, Кардин. Мана утекает, как вода в трещинах старой плотины.

Кардин нахмурился, его серые глаза осматривали линию деревьев в поисках признаков врагов.

— О чём ты говоришь? Периметр чист.

— В этом-то и проблема, капитан, — рявкнул Рэйвен, его голос прорезал напряжение, словно лезвие. Он повернулся к остальным, длинные тёмные волосы хлестнули по лицу. — Никаких монстров. Никаких бандитов. Вообще ничего. Мана высасывается в одну точку где-то внутри этих земель. Туда, где стоит замок, — он указал на тёмные башни, пронзающие серое небо, — и медленно умирает.

Кардин не стал ждать консенсуса. Тяжёлый стук копыт по мокрой земле эхом разнёсся по долине, когда он двинул скакуна вперёд. Его голос прозвучал как приказ, не терпящий

возражений:

— Двигаемся! Мы тратим каждую секунду, стоя здесь и обсуждая природу врага.

Илай последовал за ним, ловко запрыгнув на коня, его движения были грациозны даже в седле, хотя голубые глаза оставались устремлёнными на горизонт, где башни замка пронзали грозовые тучи. Он ехал молча, пальцы водили по священному символу на шее, словно ища утешения у Бога, который сегодня казался необычайно безмолвным.

Рэйвен задержался ещё на мгновение. Он смотрел, как гнётся магическое поле у ворот замка — будто на него давило что-то невидимое, что-то древнее и голодное. Затем перевёл взгляд на удаляющуюся спину капитана, потом на первосвященника и погнал коня лёгкой рысью, догнав их.

— Ты необычайно тих сегодня, первосвященник, — сказал Рэйвен, не глядя на Илая. Голос был размеренным, несмотря на растущее давление в воздухе. — Обычно ты уже читал бы Священные Писания.

Илай ответил не сразу. Его пальцы в перчатках сжали поводья до белизны, и он медленно выдохнул, прежде чем заговорить.

— Свет храма здесь кажется тусклым. Вот и всё.

— Это многое объясняет, — сказал Рэйвен, кивая, а его вертикальные зрачки продолжали пульсировать, реагируя на каждое изменение в магическом поле.

Когда они приблизились к массивным железным воротам

замка фон Рихард, температура упала настолько, что дыхание превращалось в густой пар. Но это был не холод бури. Это было что-то пустое — отсутствие жизни, отсутствие тепла, отсутствие самого времени. Стены замка, казалось, не защищали, а скрывали.

Ворота со скрипом открылись прежде, чем они успели сигнализировать о своём прибытии.

— О, а нас уже встречают, — хмыкнул Рэйвен, первым въезжая в распахнутые ворота. Его конь процокал копытами через порог с уверенностью, которой сам маг не чувствовал. — Гостеприимство или ловушка? В любом случае, хоть у кого-то есть манеры.

Кардин остановил коня сразу за воротами, рука привычно легла на рукоять меча. Его серые глаза были острыми, как кинжалы, осматривая каждого солдата в поле зрения, каждое укрепление, малейшую деталь. Мужчины, стоявшие здесь на страже, не были обычными дрожащими призывниками приграничных земель. Они стояли прямо, глядя вперёд с твёрдой решимостью, оружие держали с привычной лёгкостью, что говорило о том, что они не боятся посетителей. Более того, они смотрели на гостей с едва скрываемой враждебностью, как на врагов.

Илай спешил с лёгким изяществом. На мгновение он застыл неподвижно, закрыв глаза, словно прислушиваясь к чему-то под поверхностью земли. Его губы чуть шевелились, произнося беззвучную молитву но даже он не мог сказать,

услышал ли её Бог.

— Вот уж действительно неожиданный визит. Цепные псы Императора, — раздался звонкий, чуть хрипловатый голос.

Астрид спускалась по лестнице навстречу мужчинам. Она двигалась с той особенной грацией, которая бывает только у людей, привыкших носить на себе тяжесть власти, но сегодня в её походке чувствовалась усталость, которую невозможно было скрыть. Серое дорожное платье сидело на ней безупречно, под глазами залегли тени, а светло каштановые волосы были собраны в пучок с nepозволительной для герцогини небрежностью.

Она остановилась на нижней ступени, разглядывая гостей с холодным, оценивающим интересом. Её серебристые глаза, похожие на лунный свет, застигнутый инеем, медленно скользнули по каждому из них.

— Добро пожаловать, господа. Чем обязана?

Взгляд Рэйвена остановился на фигуре девушки. Он почувствовал знакомое, острое любопытство — то, что всегда возникало при столкновении с чем-то, что нельзя сразу классифицировать. Она была меньше, чем предполагалось в рассказах. Бледнее, чем он ожидал. С более острыми чертами лица и глазами, которые, казалось, видели слишком много и слишком давно. Она напоминала не столько монстра, сколько человека, который толком не спал много дней и который, возможно, уже не ждал никакой помощи.

— Сторожевые псы? — повторил Рэйвен, его губы скривились в ухмылке, обнажив клыки. Он спешил плавным движением, длинные тёмные волосы упали на плечи и он сделал шаг вперёд, разглядывая Астрид с почти неприличным любопытством. — Я предпочитаю «инспектора». Хотя, полагаю, различие невелико.

Кардин шагнул вперёд, его поза была напряжена, рука всё ещё лежала на мече. Серые глаза скользнули по Астрид с подозрением, которое он не пытался скрыть.

— Мы здесь по имперскому делу, герцогиня. У нас есть вопросы относительно вас и слухов, окружающих эти земли.

Астрид насмешливо приподняла бровь и в этом движении было столько дерзкого превосходства, что Кардин на мгновение замер.

— Имперское дело? Как удачно. А я уж думала, вы приехали полюбоваться на мои рога. Говорят, у дьявола они должны быть. Разочарованы, капитан?

Кардин напрягся, челюсти сжались, но он промолчал. Астрид уже повернулась к нему спиной, небрежным жестом приглашая следовать за собой.

— Что ж, входите, незваные гости. Внутри теплее.

Рэйвен фыркнул — низкий, сухой звук, который мог быть и смехом, и насмешкой. Он поправил свой тёмный балахон, и его рубиновый взгляд задержался на слабых тёмных кругах под её серебристыми глазами. Затем он скользнул ниже — к её рукам. Они были в чернилах. Маленькая деталь, которую

простой офицер не заметил бы но Рэйвен был не простым офицером. На указательном пальце Астрид блестела свежая царапина, а под ногтями засохла сажа.

Он запомнил это, как запоминал всё, что могло пригодиться.

Кардин обменялся взглядом с Илаем, который молчал, изучая Астрид со спокойным, пугающим вниманием. Выражение лица первосвященника было нечитаемым — ни осуждение, ни сочувствие, только пристальное наблюдение человека, который привык судить, но не торопился с приговором.

— Мы понимаем ваше возмущение, герцогиня, — сказал Кардин ровным, официальным тоном, когда они вошли в огромный холл, где высокие своды терялись в полумраке, а стены были увешаны древними гобеленами. — Но поймите, наше присутствие здесь — не социальный визит.

— Да уж, кто бы сомневался, — спокойно ответила Астрид, не оборачиваясь. — Следуйте за мной.

Она повела их по длинным коридорам, где факелы горели ровным, не мигающим пламенем, а стены были покрыты странными рунами, которые Рэйвен узнал но не мог вспомнить, где видел. Он замечал слабый, почти незаметный гул магии, вплетённый в сам раствор стен. Это не была защита от захватчиков. Это была стабилизирующая магия. Структурная. Необходимая. Как каркас, который держит здание, готовое рухнуть.

Илай двигался размеренным шагом, его длинные пепель-

ные волосы отражали тусклый свет факелов. Его взгляд не отрывался от спины Астрид, словно он читал саму суть её души. Но читать там было нечего — только глухая, плотная стена усталости и боли, которую она тщательно скрывала за маской холодного равнодушия.

Кардин тем временем держал руку возле клинка, взгляд скользил по каждой тени, каждому углу, каждой двери. Для него это был не дом, а место преступления, ожидающее обработки.

— Прошу, господа, — Астрид распахнула дубовые двери, приглашая их в гостиную, где уже был накрыт стол с ароматным чаем и лёгкими закусками. В камине весело потрескивал огонь, создавая иллюзию уюта, но Рэйвен чувствовал, что это тепло — лишь иллюзия, под которой скрывался холод.

Кардин вошёл первым, его ботинки резко стучали по полированному полу. Он осмотрел пространство — камин, выходы, расположение мебели — опытным взглядом солдата. Плечи оставались напряжёнными, отказываясь расслабиться даже в такой, казалось бы, домашней обстановке.

Илай последовал за ним, его движения были лёгкими и бесшумными. Он на мгновение остановился, голубые глаза скользнули по чайному сервизу. Слабый, почти незаметный кивок одобрения — единственное проявление вежливости, на которое он был способен.

— Ваше гостеприимство, ваша светлость, это... неожидан-

но, — тихо сказал Илай. Его голос звучал так спокойно и размеренно, что трудно было понять, искренен ли он или просто соблюдает приличия.

Последним вошёл Рэйвен, засунув руки в рукава мантии. Он не сразу сел. Вместо этого он подошёл к окну, всматриваясь в серый, суровый северный пейзаж, прежде чем снова повернуться к Астрид. Она стояла у камина и отблески огня играли на её бледном лице, делая его почти прозрачным.

— Вы так внимательны, герцогиня, — произнёс Рэйвен, присаживаясь на край софы с видом небрежного вызова. На долю секунды его вертикальные зрачки расширились, затем снова сузились в чёткие линии.

— Коты вроде любят угощения, — произнесла Астрид, намекая на мага, который действительно напоминал большого, чёрного, опасного кота. Она села в кресло напротив, взяла чашку и сделала глоток. Её пальцы слегка дрожали, она поспешно опустила чашку на блюдце, заметив это движение — но Рэйвен уже всё увидел.

— «Кот», — повторил он, хохотнув и откинувшись на спинку софы. — Меня называли по-всякому, герцогиня. Большинство — гораздо менее лестно, чем домашнее животное. — Он потянулся за небольшой выпечкой на столе, осмотрел её с притворным вниманием, прежде чем откусить. — Но я полагаю, если кот сыт он с меньшей вероятностью будет царапать мебель.

— Мебель меня не волнует, маг. Меня волнует, зачем вы

здесь на самом деле, — произнесла Астрид, переведя взгляд на Кардина. — Давайте без дипломатии. Я знаю, что Император считает меня предательницей. Я знаю, что он отправил вас сюда как своих палачей. Так что говорите прямо.

Повисла тишина. Только огонь потрескивал в камине, нарушая безмолвие.

Кардин первым нарушил её. Его голос был подобен кремню, ударяющему по стали: твёрдый, прямой и совершенно лишённый юмора.

— Вас обвиняют в государственной измене, герцогиня. Смерть вашего отца, изоляция территории, секретность, окружающая ваши границы — каждый из этих пунктов является пятном на вашем доме. Император требует ответов.

Астрид поставила чашку, откинулась на спинку кресла и скрестила руки на груди. Её серебристые глаза, казалось, видели капитана насквозь.

— Капитан, а кроме донесений, сплетен и домыслов, у вас есть прямые доказательства всех моих «грехов»?

Кардин открыл было рот, но наступившая тишина была тяжёлой. Прямых доказательств у него не было. Была папка, полная слухов и косвенных сообщений, которые все указывали в одном направлении, но ни одно из них не являлось доказательством. Он мог бы солгать, но честь офицера не позволяла ему этого сделать.

— Императору не нужны доказательства, чтобы начать расследование, — сказал он наконец, понизив голос. — Он

требует результатов. И мой долг — обеспечить их достижение.

— То есть у вас нет ничего, — перебила Астрид с лёгкой усмешкой. В её голосе не было страха — только усталая насмешка. — Никаких доказательств. Только подозрения. И вы пришли в мой дом, чтобы их подтвердить.

Она поднялась с кресла, прошла по комнате, и её платье мягко зашуршало по полу. Она остановилась у камина, глядя на огонь, её голос стал чуть тише но в нём появилась сталь, которую не заметили бы только слепые.

— Что ж, я не буду вам мешать. Ройтесь. Спрашивайте. Всё равно на поверхности вы ничего не найдёте. А то, что найдёте под поверхностью, скорее всего убьёт вас.

Она обернулась к ним, в ее серебристых глазах на мгновение мелькнуло что-то похожее на предупреждение. Или на мольбу — но Астрид никогда не позволяла себе молить о помощи.

— Я не боюсь вашего расследования, господа. Я боюсь, что вы будете слишком заняты охотой на ведьму, чтобы заметить что мир вокруг вас уже горит.

С этими словами она позвонила в колокольчик, стоящий на каминной полке. Тотчас же в гостиную бесшумно скользнул дворецкий — пожилой, седой, с лицом, которое ничего не выражало но в глазах которого чувствовалась та же глубокая усталость, что и у его хозяйки.

— Арвин, — сказала Астрид, не глядя на слугу, — про-

води наших гостей в гостевые комнаты. Подготовьте всё по высшему разряду. Чтобы они ни в чём не нуждались.

Она перевела взгляд на мужчин, её губы изогнулись в холодной, почти хищной улыбке.

— Отдыхайте, господа. Завтра у вас будет долгий день. Вы ведь не думали, что я просто так отдам вам свою голову?

Конец первой главы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.